

ПУТЕ- ШЕСТВИЕ К ИСЦЕ- ЛЕНИЮ

КАК НАЙТИ СЕБЯ,
КОГДА ПОТЕРЯЛ ВСЁ

Содержит
18+
нецензури-
руемые
браны!

от ведущего
редактора
американского
журнала
OUTSIDE

БРЭД ВЕЦЛЕР

БОМБОРА

Брэд Вецлер
**Путешествие к исцелению. Как
найти себя, когда потерял всё**
**Серия «Мир глазами
путешественников»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71291797

Путешествие к исцелению. Как найти себя, когда потерял всё: Эксмо;

Москва; 2024

ISBN 978-5-04-213767-9

Аннотация

Впервые в России мемуары Брэда Вецлера – редактора популярного американского журнала о природе Outside. Именно он отправил в трагическую экспедицию на Эверест писателя и журналиста Джона Кракауэра, автора бестселлера «В разреженном воздухе», о чем и рассказывает в своей книге.

Вы узнаете о пути, который прошел автор, чтобы найти смысл жизни, о путешествиях по самым священным местам мира и, конечно, о забавных приключениях. У вас будет уникальная возможность встретиться со 100-летним йогом и понять, что же такое внутреннее счастье. Трудное детство, проблемы с родителями, неудача в браке и потеря карьеры не сломало Брэда Вецлера, а подтолкнуло к главному решению всей жизни –

отправиться на другой край света. Путешествие помогло ему полностью исцелиться и изменить жизнь к лучшему. Окунитесь в мир приключений вместе с автором!

Используется нецензурная брань.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Благодарности	7
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	41
Глава 5	49
Глава 6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Брэд Вецлер

Путешествие к исцелению.

**Как найти себя,
когда потерял всё**

*Моим учителям прошлого и настоящего,
официальным и неофициальным, научившим меня
снова жить.*

*«Границ души тебе не отыскать, по какому бы
пути ты ни пошел: столь глубока ее мера»
– Гераклит, Фрагменты*

*How does it feel?¹
– Боб Дилан, «Like a Rolling Stone»*

Brad Wetzler

**INTO THE SOUL OF THE WORLD: MY JOURNEY TO
HEALING**

This edition published by arrangement with Hachette Go, a division of Hachette Book Group, Inc. USA via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia) All rights reserved.

© 2023 by Brad Wetzler

© Сурскова К., перевод на русский язык, 2024

© Вильямс А.Л., литературная редакция, 2024

© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Благодарности

Столько людей помогло мне написать книгу о моем пути исцеления, что я не перечислю всех. Среди них прекрасные друзья, которые помогли мне разговорами, заботой и своим опытом: Мэттью и Корин Эндрюс, Джошуа Хоум Эдвардс, Тейлор Уайт Моффит, Дэвид Гилбрэт Бартон, Джиллиан и Майк Мартин, Тамра Сетлер, Амалия Вар, Джим Кейто, Бенджи и Хезер Вертхаймер, Дэвид Ньюмен, Бренда МакМороу и другие.

Огромная благодарность многим талантливым и профессиональным целителям, с которыми мне посчастливилось работать. Особенно Сюзан Апошян и учителям студий «Yoga Pod Boulder»; «Practice Yoga» в Остине, Техас; и «CorePower Yoga» в Боулдере, Колорадо.

Некоторые мудрые и щедрые люди помогали мне в процессе публикации, оставляя отзывы на рукопись или же напоминая мне, что суть хорошего текста заключается в правде и идет прямым из сердца. А если этого было мало, они указывали на мои ошибки. Среди них: Эмили Рэпп Блэк, Марк Адамс, Грег Клибёрн, Клинт Уиллис, Скай Керр Леви, Лиза Беннет, Виктресс Хичкок, Марк Брайант, Лора Хонхолд и другие. Спасибо и более опытным старшим редакторам, с которыми я работал в журнале «Outside» в девяностых, – особенно Марку Брайанту, Даниэлю Койлу, Хэмптону Сайдсу,

Лоре Хонхолд и Алексу Хёрду, которые научили меня всему.

Во время написания этой книги меня поддерживала, кормила и любила Мэделин Тамайо Тилин.

Я также обязан своему агенту Дэну Милашевскому из Агентства Соединенных Талантов за этот проект.

Огромная благодарность Дэну Амброзию, моему редактору в «Nachette Go». Без него эта книга никогда бы не вышла в свет.

Особое спасибо Джеку Корнфилду и запоздалое – Раме Дассу, Ричарду Фриману, Шарон Зальцберг и Таре Брач, мудрым учителям, которых я никогда не видел в глаза, но чьи книги и подкасты научили меня многому за прошедшие десять лет. Особое спасибо Кришне Дасу, чьи музыкальные записи и наставления составляли мне компанию в темные ночи и чьи стихи всегда указывали мне путь к себе.

Глава 1

Вершина истории

Я сидел за рабочим столом, ел буррито с зеленым чили на завтрак и читал электронный «New York Times», когда мне пришла первая весточка после трагедии 1996 года от нашего писателя, восходившего на Эверест. Экран компьютера был заполнен статьями о крушениях самолетов и незначительных войнах в далеких странах. Президент Клинтон сцепился с представителями ЛГБТ в армии.

По сравнению со всем этим в моем солнечном, залитом светом кабинете на втором этаже офиса издания «Outside» царило умиротворение. Шел девятый час. Прохладный утренний ветерок проникал сквозь двери балкона – такой чистый горный воздух. На другой стороне дороги туристы позировали у старой железнодорожной станции вокзала Санта-Фе. Зазвонил телефон. Я чуть было не проигно-

рировал его. Я редко отвечал до девяти утра, если только не ждал звонка.

И уж тем более я не ожидал услышать этот голос, который тут же узнал.

И по сей день первые слова автора и журналиста Джона Кракауэра все еще крутятся в моей голове, как сломанная пластинка. Я бы узнал его деловой отрывистый тон, даже если бы он говорил через игрушечный телефон, сделанный из двух пластиковых стаканчиков, объединенных веревочкой, — да даже если бы нас разделял океан.

— Привет, Брэд.

— Джон? — Я крепко сжал трубку и потянул за провод, стараясь пододвинуть телефон ближе к двери, чтобы выйти на солнечный балкон с видом на знаменитое небо Нью-Мексико и панораму возвышающихся горных вершин. Мне хотелось быть ближе — или не так далеко — к этому писателю, который только что пережил катастрофу на вершине самой высокой горы в мире, описывая это восхождение для журнала.

— Секунду.

Я негодовал. Последнее, что я слышал от своего босса Марка Брайанта, редактора «Outside», а в те времена лично-го редактора и основного контактного лица по статьям Кракауэра, — наш писатель в целостности и сохранности добрался до базового лагеря Эвереста во время надвигающейся метели, обрушившейся на вершину в тот день, когда десятки людей спускались вниз. Буря застала альпинистов врасплох. Неко-

которые так и не вернулись с хребта, в то время как другие пытались добраться по склону в условиях плохой видимости. Некоторые альпинисты добрались до своих палаток. Но другие долго не могли найти обратную дорогу и в итоге замерзли до смерти или срывались с обрывов. Одиннадцать восходителей были либо мертвы, либо числились пропавшими без вести. Чуть позже мы узнали, что Джон добрался до своей палатки, а спустя пару дней – что он прибыл в лагерь. Тогда нам показалось, что он должен был сразу же вернуться домой. Так что никто из нас не ожидал услышать от него вестей меньше чем через неделю. Именно поэтому я был поражен, но услышать его голос было сродни облегчению. Он был жив.

– Я в Катманду. В отеле.

Потом он объяснил, они должны были вернуться самостоятельно, но вместо этого их с другими альпинистами подобрали вертолеты в Фериче, – маленькой деревне с больницей неподалеку от базового лагеря Эвереста.

– Черт возьми, Джон. Ты не представляешь, как я рад тебя слышать. Знаю, это дурацкий вопрос, но все хорошо? – единственный вопрос, до которого я додумался.

Я пытался представить автора бестселлера «В диких условиях», непревзойденного писателя приключенческого жанра и давнего сотрудника нашего журнала после этой ужасной трагедии. Конечно, мне ни за что не понять тот ужас, который он испытал. Последние восемь месяцев я сидел на попе

ровно в прохладном офисе, пока он истекал кровью и испытывал такие муки, какие я даже представить не мог.

Я спокойно слушал, пока он посвящал меня в детали нынешнего положения в горах и состояния альпинистов, с которыми я был знаком.

Разговаривая с ним, я сдерживал поток эмоций и слез.

Откуда слезы? Точно не уверен. Я не знал Кракауэра. Мы говорили всего несколько раз, в основном в те полгода до восхождения, когда я днями сидел на телефоне, пытаюсь пропихнуть его в коммерческую команду альпинистов. Более того, ни я, ни другие редакторы не брали на себя ответственность за его безопасность, и никто из нас не мог гарантировать успех экспедиции. Идея забраться на вершину Эвереста полностью принадлежала ему. Как недавно сказал мне Марк: «Наша идея заключалась в том, чтобы кто-то из доверенного круга лиц Кракауэра освещал растущую деятельность коммерческих экспедиций на Эверест. Уж тем более нам не хотелось отправлять одного из своих лучших писателей рисковать жизнью на вершину горы».

Кроме того, мы, редакторы, сами не приложили никаких усилий. Мы не отправились в чрезвычайно опасные места, и нам не пришлось переживать страдания. Но все же... Меня переполняли эмоции, не знаю почему. Наверное, все из-за того, что я очень переживал за Джона. Все редакторы переживали. И вот что еще: на каком-то подсознательном уровне я, тридцатилетний помощник редактора, ответивший на зво-

нок Кракауэра, потому что Марк отсутствовал, подозревал, что этим альпинистам, пережившим ужаснейший шторм на Эвересте 10 мая 1996 года, будет трудно восстановиться от душевных травм и обрести покой. Если это вообще когда-нибудь произойдет.

Но речь шла не обо мне. Телефонный звонок, история для журнала. Ничего из этого не касалось меня. Хотя, стоит отметить, я часто терял связь с этой реальностью.

Мы проговорили еще пару минут. Джон рассказал, через что ему пришлось пройти, а затем о планах начать писать вскоре по возвращении в Сиэтл.

– Нет-нет, мы поговорили об этом с Марком. Он сказал, что ты можешь не торопиться. То есть ты можешь взять год перерыва, прежде чем садиться за работу. Нам все равно. Просто возвращайся домой, отдыхай и восстанавливай силы. Можем поговорить через несколько недель или еще позже.

– Не знаешь, Марк рядом? – Джон обычно советовался только с Марком.

– Не видел его.

Я посмотрел на папку проекта со сделанными почти за два года заметками, вырезками статей и корреспонденцией от управляющих компаний и погрузился в свои мысли. С первых дней стажировки в журнале я был диванным любителем Эвереста: читал книги, смотрел видео и следил за каждым сезоном восхождений. Зачем? Не знаю. Просто я такой. Становлюсь зависимым и прыгаю в кроличью нору. Со

временем меня повысили до ассистента, и я стал знатоком приключенческой части журнала. Я начал собирать материал по Эвересту. Вскоре папка заполнилась статьями и заметками из моих интервью с различными экспертами. Некоторые из них говорили, что нам, редакторам, стоило бы отправить писателя в горы, чтобы тот рассказал о коммерческой экспедиции. Несколько новых организаций рекламировали свои услуги, предлагая потенциальным клиентам организацию похода, включающую в себя прокладку веревок, перенос тяжелого снаряжения, разбивку лагеря – практически всего, кроме самого восхождения. Стоимость – \$65 000.

Зимой 1993–1994 годов я провел презентацию, в которой рассказывал, что нам следует отправить писателя в экспедицию как можно скорее, «пока все не завертелось». Я выступил с презентацией на совещании редакторов в конференц-зале нашего офиса, который в то время располагался в центре Чикаго. В конце выступления я предложил двух потенциальных кандидатов, которые писали про альпинизм, – Грега Чайлда и Джона Кракауэра.

История Эвереста была благополучно забыта, будто ее никогда и не было. Но я все так же был заинтересован Эверестом. Мы все же предложили Кракауэру написать историю в марте 1995 года, но он отказался. А потом всех нас удивил, позвонив Марку и заявив, что отправится на Джомолунгму, если мы пропихнем его в команду, и что он хочет сам попробовать забраться на вершину.

Я был в восторге, услышав это. Так было даже лучше. Практически каждый в журнале начал работать над тем, чтобы воплотить эту историю. А Марк любезно назначил меня шефом зарождающегося проекта. Несмотря на это, Кракауэр звонил мне, лишь когда не мог связаться с Марком.

Должно быть, я завис на несколько секунд. Вернулся к реальности, только когда Кракауэр уже был готов закончить разговор.

– Мне пора, Брэд.

– Ну хорошо. Береги себя. Ты через многое прошел. – Как будто этому опытному альпинисту и журналисту нужны были мои советы.

Так началась последняя глава моей шестилетней карьеры перспективного редактора одного из самых уважаемых журналов страны. Работая менеджером проекта об Эвересте, я в основном занимался телефонными звонками. Помог Кракауэру получить место в первоклассной компании горных гидов. И постоянно молился о его безопасном возвращении. Но сейчас, вспоминая весну и лето 1996 года, понимаю, что был выжат. Меня отравило чувство собственной значимости. В голове я уже писал собственные пресс-релизы. И верил, что участие в этой истории поможет мне осуществить давнюю мечту стать писателем приключенческой литературы.

К концу лета я отредактировал историю Кракауэра

в «Outside», руководил работой группы проверки фактов и созданием дизайна макета. По запросу Марка дал интервью для «ABC News». Спустя месяц Марк повысил меня до выпускающего редактора. А после того как история появилась в свежем сентябрьском выпуске «Outside» 1996 года с огромным заголовком «История на Эвересте», мне пришло много приглашений на радио, телевидение и в газеты. Мне приходили предложения писать истории от других изданий. Все было решено: я никогда не стану хорошим редактором, моим предназначением было самому стать писателем. В начале ноября, спустя три месяца после выхода книги Кракауэра «В разреженном воздухе», я написал заявление на увольнение, собрал все свои вещи и поблагодарил Марка и остальных коллег. Я организовал личный рабочий кабинет дома. Когда же наступит время погрузиться в свою мечту, путешествуя по самым экзотичным местам, если не сейчас? В тот момент мечта стать лучшим приключенческим писателем вовсе не была мечтой, а, извините за преувеличение, судьбой.

Теперь все было логично и обосновано. Организовывая свое новое рабочее пространство, я не получил или, по крайней мере, не прочитал ни одну памятку. Если бы только я потратил больше времени, изучая работы Фрейда и Юнга, или хотя бы просто поискал в словаре значение слова «предназначение»... Тогда я бы узнал, что предназначение – это, оказывается, сценарий будущего, пункт назначения. Мы можем мечтать о месте, в котором хотим оказаться. Но мы

не можем сбежать от судьбы, слова, значение которого тоже стоило бы подглядеть. Судьба – то, что подготовила для нас Вселенная, а ее синоним в некотором смысле – обреченность. Если работа приключенческим писателем была моим предназначением, то потеря жены, дома, денег, карьеры, разума и почти всей жизни спустя десятилетие после выпуска «В разреженном воздухе» – моя судьба.

Никогда бы не подумал, что спустя десять лет мои ноги будут подкашиваться от визуализированных и порой эмоциональных воспоминаний из-за невыявленного, невылеченного комплексного ПТСР. Я стану слишком подавлен, чтобы жить, и онемею от коктейля из двадцати трех психотропных таблеток в день. Я бы и подумать не мог, что стану прикованным к дому зомби, живущим за счет государственных пособий по недееспособности, или что потом я попытаюсь наладить свою жизнь, представ духовным искателем на пути к искуплению через Святую землю. И уж тем более я не мог предположить, что заброшу писательскую карьеру, чтобы стать учителем по йоге с повязкой на голове. Или что дважды разведусь и перенесу, мать его, кризис среднего возраста.

Как я мог предвидеть, что однажды преклоню колени перед столетним йогом в пещере Гималаев и получу от него благословение стуком по лбу, которым он отправит меня в двенадцатичасовое мистическое путешествие, во время которого предо мною откроется завеса Вселенной и предстанет

объединение мира?

Сидя в офисе в тот злополучный день, я думал, что закладываю фундамент для солидной карьеры журналиста и писателя. Кто знал, к чему это могло привести, но я определенно рассчитывал на славу, книги, постоянные лекции и финансовое благополучие. Я понятия не имел, что был сломленным человеком, обреченным на вечные скитания и десять лет напряженной работы, чтобы исцелиться и наконец обрести смысл жизни.

Все это приключилось со мной.

И я все еще здесь, чтобы рассказать вам эту историю.

Глава 2

Река (повсюду)

Каждый достойный писатель приключенческого жанра знает, что история развивается со временем. Ты не пускаешься в повествование, сразу зная, с чего начать. Сначала ты ломаешь текст, издеваешься над ним, продумываешь его, играешься с ним. Пробиваешь путь сквозь запутанный сюжет. Находишь проблему, кульминацию, придумываешь развязку, а затем принимаешься за финал. Или пробуешь начать с конца. Тогда и только тогда проявляется настоящее начало истории.

Так что к черту предназначение. К черту уныние. К черту высокомерие и Икара². Может, я слишком быстро и резко

² Икар – герой греческого мифа, сын Дедала. По легенде, ослушался отца и поднялся к солнцу, радуясь силе крыльев, которая не подвластна другим. Его же

покинул линию старта. Но история не об этом. Не про Эверест и не о Джоне Кракауэре.

Эта история о судьбе. И о другом: приключении, травме, зависимости и о том, как мы, люди, исцеляемся. Но я уверен, что всему этому присуща вера.

Поэтому в действительности начинается история вот с чего.

Май 1978 года, мне двенадцать. Утренний туман поднялся с песчаных берегов Уайт-Ривер в Арканзасе.

Я залез в алюминиевое каноэ и осторожно подошел к сиденью на его носу. Подняв пластиковое весло, я почувствовал его ощутимый вес и текстуру ребристой рукояти. Мне стало тревожно, даже затошнило, когда я вспомнил мрачное лицо посетителя нашего лагеря накануне вечером.

– Неделю лило как из ведра, – предупредил он. – И все это на фоне влажной весны. Уровень воды сильно поднялся. Могу вернуть вам деньги, и вы сможете остановиться в городском отеле. На прошлой неделе три каноэ пополам треснули, врезавшись в дерево. Люди еле оттуда живыми вернулись.

Может, меня встревожила беспристрастная реакция отцов? Один озвучил то, о чем думали другие.

– Спасибо за совет, но мы проделали слишком долгий путь, чтобы просто уехать. Мы справимся.

Я чувствовал себя настолько беспокойно, что не мог со-

мкнуть глаз. А сейчас все внутренности сжало от паники. Я обернулся посмотреть на отца, который садился на другой конец лодки. Красивый, высокий, импозантный. Всю свою жизнь я наблюдал за тем, как прохожие спрашивали, не был ли он slučajем Марио Андретти или сенатором Гэри Хартом. Юрист, владеющий крупной организацией в пригороде Канзас-Сити, который всегда четко и уверенно говорил о том, как устроен мир, бизнес и жизнь. Я замечал, как другие молодые и менее успешные юристы брали с него пример. Но еще со временем я заметил, что он с презрением глядел на тех, кто восхвалял его.

Мы отчалили. Каноэ отплывало от берега к главному каналу реки. Течение подхватило узкую лодку и толкнуло ее вниз по реке, из-за чего отец ругнулся.

– Черт возьми. Гребь, Брэд.

Я начал грести.

Следующие тридцать секунд вышли комичными, хоть в то время мне так не казалось. Папа, с которым я сидел в лодке лишь однажды, не мог справиться с управлением. Нас мотало из стороны в сторону, резко вверх-вниз, пока каноэ не поплыло по течению. Я взглянул на песчаный бор, где над нами посмеивались остальные отцы с детьми. Не то чтобы они справлялись лучше. Все лодки впереди и позади нас выписывали круги.

Когда наша лодка наконец выпрямилась, отец напомнил мне о том, что повторил сегодня раза четыре.

– В тебе сила, Брэд. Если не будешь активнее грести, я не смогу вести нас.

– Хорошо-хорошо.

Я опустил весло в воду и начал грести сильнее. Позже я несколько лет буду работать вожатым лагеря в Мэне, научусь правильно управлять каноэ в одиночку и пойму, что папино изречение было неверным. Человек, сидящий позади, обязан знать, как вести каноэ самостоятельно, неважно, как гребет тот, кто спереди.

Но в тот день я сконцентрировался на том, чтобы грести побыстрее. Это было моей работой, а я, как ребенок серьезный, планировал сделать все на высшем уровне. И, как любой другой сын, хотел, чтобы отец гордился мной.

Утро мы провели в каноэ, как Лорел и Харди³. Плавание по речным порогам сопровождалось постоянными возгласами: «Греби быстрее!»

К обеду я приноровился. Греб так сильно, как мог. Возможно ли, что отец не понимал, что делает? Мне не хватило смелости задать этот вопрос. Поэтому я продолжал грести и уверять его, что делаю все максимально быстро.

На обед мы вернулись к бору, а затем снова взялись за каноэ. Мы подплыли к потопленному дереву, которое упало весной во время проливных дождей, и пришвартовались у него, а после снова вернулись на воду. Как и утром, нас по-

³ Стэн Лорел и Оливер Харди – британо-американские киноактеры, комики, одна из наиболее популярных комедийных пар в истории кино.

несло течением из стороны в сторону. Только в этом месте река текла быстрее и была глубже.

– Гребь сильнее, Брэд. Твоей силы недостаточно, чтобы управлять лодкой.

Я со всей силы опустил весло и провел им по воде.

Но нас продолжило мотать. Течение подняло правый борт каноэ, гравитация потянула его обратно вниз, и вода хлынула через борт, сначала медленно, затем быстро. Не успел я перевести дух, как лодка перевернулась. Мои яйца сжались, я не мог отдышаться. Со временем тело привыкло к ледяной воде. Пока меня несло по течению, мне казалось, что я не вешу ни грамма. Папа поплыл к берегу. Я увидел его выбирающимся из воды на четвереньках. Но, отплывая дальше от отца, я почувствовал себя свободным.

Вдруг какой-то массивный толчок накрыл меня с головой. Мне стало страшно, что я умру прямо там. Но мне удалось всплыть. Я успел сделать глубокий вдох до того, как снова оказаться под водой. «Ладно, а вот теперь точно все», – подумалось мне. Но мне опять посчастливилось всплыть, и на этот раз окончательно. Я ничего не понимал. Мне хотелось обернуться, но спасательный жилет мешал. Что-то твердое прижалось к груди. Как оказалось, это было то самое потонувшее дерево с острыми сломанными ветками. Я сложил дважды два и пришел к выводу, что мой спасательный жилет зацепился за затопленное бревно. Стало дико больно. Течение прижимало мое тощее двенадцатилетнее тело к дереву,

не давая шанса спастись. Я обернулся посмотреть на отца. Он стоял на берегу, бесстрастно глядя на меня.

Мне было спокойно. Почему? Время остановилось, словно все происходило в параллельной вселенной.

Следующие пару минут я провел в этом состоянии дзена. Но меня снова охватили чувства – страх и раздражение. Я посмотрел на отца. Он все так же стоял на берегу. «Ты ничего не сделаешь?» Он словно замер, тоже охваченный страхом. Я надеялся, что именно это и послужило причиной его бездействия. Другую причину, по которой он предпочел не спасать своего сына, было бы слишком сложно понять.

Прошло еще несколько минут. Испуг перерос в ярость. Я поднял глаза к небесам и молил Бога о помощи. Ничего. Конечно же, Бог меня не спасет: он не спас собственного сына, когда того повесили на кресте. Бревно подо мной сдвинулось. Мне стало страшно, что меня снова утащит вниз. Глаза и рот закрыты, руки безрезультатно пытаются за что-то ухватиться. На удивление я продолжал дышать и видеть, но все еще был в ловушке. «Где мой папа? Он зовет на помощь?» Я чувствовал одиночество и безнадежность. Меня загнали в угол. Бросили. Оставили одного.

Спустя тридцать три года я помню все так же четко. Воспоминания никуда не делись. Я слышу, как борт лодки врезался в дерево и как голова ударилась о воду. Чувствую, как по плечам и спине бьют струи воды. Слышу, как кричит папа

моего друга Билла. Вижу, как он тянется ко мне, но промахивается. А затем – свобода. Чувствую свободу. Свободнее, чем когда-либо. Голова болит. Бок болит – только позже я замечу синяки и царапины, которые продержатся недели. Но ничего из этого не имело значения, ведь я был свободен.

Сейчас я уже понимаю, что именно имел в виду отец, когда говорил, что во мне сила: «Я понятия не имею, что делать с этим каноэ. Не знаю, как им управлять. Не понимаю, как читать реку. Так что, сынок, ты за главного. Ох, и знаешь что? Если мы перевернемся – виноват ты».

Рон Моррис, главарь нашей группы, подхватил плачущего меня и усадил в лодку. А затем прозвучали слова отца: «Вставай, сынок. Все в порядке».

С какой-то стороны, он был прав. На мне всего лишь были порезы и синяки, которые потом жутко болели, но со мной не было ничего в порядке. И с того дня никогда не было.

В ту ночь, сидя у костра, Рон Моррис поблагодарил Господа за то, что тот спас меня от гибели. Я уставился на огонь, в глазах стояли слезы. Мне не казалось, что все в порядке. Теперь мне было беспокойно на природе. Да мне даже в собственном теле было тревожно. Фрейд писал, что мы бессознательно тянемся к вещам, которые причинили нам когда-то боль. Стараемся, стараемся и стараемся, дабы получить из этого хороший опыт. Я стал писателем приключенческого жанра, хоть у меня и были сложные отношения с природой. Пытался пересилить себя, свое тело. Когда я огляды-

ваюсь назад, это кажется мне космическим шагом. Я поставил себя в ситуацию, которая могла травмировать меня, чтобы исцелиться. Временные походы на бездорожье. Полет на самолете в далекие места, где мне не хватит контроля сдерживать панику. Травма на травме. И здесь я уже превратился в психиатра. К несчастью, у этого человека была не лучшая репутация и склонность накачивать клиентов лекарствами. Пилуля за пилулей – пока количество таблеток не превысило двадцати за день, а я не перестал выходить из дома.

Не хочу бросать отца под автобус в своей же истории. Даже пройдя через все это, могу заявить, что он не плохой человек, хоть и не воспринимает правду. Даже сейчас, несмотря на многочисленные просьбы поговорить, мы так и не смогли разобраться в переживаниях и воспоминаниях о том дне. Но ложь, которая задела меня сильнее всего, прозвучала в тот же вечер по возвращении домой. Я побежал рассказать матери о случившейся трагедии – тех минутах в засаде, когда мне казалось, что я умру.

– Милая, Брэд преувеличивает. Ничего такого. Его рубашка зацепилась за веточку.

Рубашка зацепилась за веточку. Я знал, что это неправда. И если уж так, то почему отец не удосужился забраться в тихие воды и отцепить рубашку? «Рубашка зацепилась» стало его мантрой последующие сорок лет. Спустя лет десять я получил подтверждение своим опасениям, когда натолкнулся на Рона Морриса на игре бейсбольной команды «Канзас-Си-

ти Ройалс». Он-то поведал, в каком ужасе находился, наблюдая за тонувшим мальчиком.

Я понимал, что версия отца ложная, но никогда этого не признавал. Он был моим папой. И мне не хотелось его стыдить. Я любил его. Все еще люблю.

После того дня я продолжал любить отца, как и любой другой сын. Но семена ярости и непонимания были посеяны, ведь отец мне теперь казался лицемером и лжецом. Ему словно нужно было следить за моим мировоззрением и даже контролировать его. Когда у меня появилось собственное мнение и представление о мире, между нами возникла пропасть. В ответ я получал лишь саркастические фразочки или вообще игнор. Он даже дал добро моим брату и сестре обращаться со мной так же. Должен ли я соответствовать своему идеалу или его, стало почти постоянным вопросом моего юного, наивного ума. В результате его образ разделился на двух разных отцов: одна версия была идеалистической, мой папа – святой отец, который не делает ничего плохого. Другая же? Противоположность: жестокий, эгоистичный манипулятор. Как ребенок – или взрослый – справляется с таким психическим расколом? Вы становитесь искателем, добиваетесь успеха и ставите себе целью изумить этот мир своей гениальностью.

После инцидента с каноэ отец не был прежним. Может, даже и не этот несчастный случай повлиял на его поведение,

но он казался совершенно другим. Возможно, просто изменилось мое восприятие. Он часто приезжал к ужину пьяный в стельку, не в состоянии связать пару слов. После ужина он пил джин до отключки. Из-за этого члены семьи начинали расходиться: брат уезжал к девушке, мама – на встречи Юниорской лиги или помочь сестре. А я? Я не мог оставить отца. В каждый из этих дней, под аккомпанемент «Tonight Show» или игры на трубе Дока Северинсена, я тащил отца в кровать, как заботливый старший брат.

Однажды, во время похода в Колорадо, он повел нас с братом в глубину леса. Мы втроем пытались приготовить сублимированный бефстроганов под дождем. К вечеру он выпил достаточно джина, чтобы прилечь в одиночку в палатке. Мы с братом остались снаружи болтать и смотреть на метеоритный дождь. Я лег последним. Ткнул отца, чтобы пожелать спокойной ночи, но он не шелохнулся. Рот широко открыт, язык вывалился наружу. На секунду сердце ушло в пятки. Мне показалось, он умер.

В будущем психиатр и терапевт будут часто говорить мне, что я подвергался жестокому обращению в детстве и, по сути, рос безнадзорным. Но это не помогло маленькому мальчику, который пытался найти свое место в этом мире и состояться как личность. В отрочестве при любом удобном случае я засыпал, слушая ток-радио или читая об Иисусе в Новом Завете. Я нашел утешение в действиях и идеях этого радикального человека из Галилеи, этого свободного духа, веру-

ющего в справедливость. Во мне разрослось чувство праведности и, возможно, временного спокойствия.

Мне осточертели утро и поздний вечер. Я ел хлопья за просмотром «Today Show». Каждый раз, когда отец заходил на кухню в идеальном костюме и с изысканным парфюмом, я кривился. А когда он пытался меня воспитывать или учить, как быть настоящим мужчиной, меня пробирала ярость. Я был тощим одиноким подростком, страдавшим анорексией, бессонницей и депрессией и увлекающимся историями об Иисусе. Если бы мне хватило смелости, я бы перевернул обеденный стол и устроил бы ему взбучку, выпроваживая его из своего внутреннего храма.

Но я был всего лишь мальчиком. А он – моим отцом.

Когда я был в старших классах, он съехал, вернулся, а потом снова ушел, оставив нас, приезжая только на Рождество и заставляя устраивать шоу для своей матери и разговаривать с ней. Вел он себя так, словно все это время жил с нами, а не на другом конце города. Тогда я гневался на небеса. Чувствовал, что меня охватывает жуткий гнев – настолько огромный, что его не вместить в маленькое тельце подростка. А я не мог ни слова сказать маме или папе о том, как неправильно и лицемерно выглядело это фальшивое Рождество. Они бы просто отмахнулись. «Брэд, ты слишком обозлен, – говорил мне иногда отец. – Что случилось с тем веселым милым мальчиком?»

По сей день ни мать, ни брат, ни сестра ничего ему об этом

не говорят. А вот я постоял за себя. Это я помню.

Мозг будет искажать реальность, представляя родителя заботливым, любящим и преданным. Ни одному ребенку в голову не придет, что на самом деле родителям все равно. Почему дети не озвучивают свое мнение о пренебрежительном отношении? Все просто: они боятся потерять ту самую нить. На подсознательном уровне они понимают, что непослушание приведет к отречению, а это не стоит такого риска.

Поэтому, будучи ребенком, я молчал. А когда повзрослел и начал озвучивать свои мысли, получил в ответ звание злого неблагодарного дитя.

Со временем я начал считать себя токсичным. Верил, что проблема во мне. Чья ж еще вина, если не моя? Я был всезнайкой. Неуважительным. Таким-сяким. Всегда чересчур. Но при этом меня никогда не было достаточно.

И тот счастливый, беззаботный, приятный младший редактор в престижном журнале, который составил и отредактировал знаменитые успешные истории, копил всю злость в себе, не давая ей высвободиться. Будь то редактура, написание историй или поход с Ди, я тратил невероятное количество энергии, удерживая темноту души и сохраняя улыбку на лице. С каждый разом это становилось сложнее.

Я узнал о видах травм и их последствиях. Мы можем пережить сложные моменты в жизни, если нам есть с кем поговорить. Травма застревает в голове, если верить существующей теории. Разговаривая, обсуждая травматические ситуа-

ции и получая поддержку, мы исцеляемся. Именно это заявляют психиатры ван дер Колк, Сьюзен Апошян, Питер Ливайн и многие другие.

Куда сложнее лечить детские травмы, ведь их мозг еще не сформировался. У многих детей попросту нет рядом мудрого и заботливого взрослого, который мог бы помочь. Сам по себе ребенок постарается найти выход из проблемы, но не сможет. Его разум может стать похожим на безнадежно запутавшийся кусок веревки. Ребенок, а позже взрослый, будет составлять ложные предположения о себе, мире и жизни. И винить за произошедшее будет именно себя. В конечном счете он потеряет связь с самим собой и будет страдать от депрессии, диссоциации, тревоги, бессонницы и низкой самооценки. Современные психотерапевты утверждают, что на сегодняшний день травматический опыт не обязательно должен быть драматичным или опасным, чтобы потом перерасти в посттравматическое стрессовое расстройство, или ПТСР.

Взросление в неблагополучной семье может вызвать хроническую травму и привести к сложным симптомам ПТСР. В такой семье с эмоциональным насилием или пренебрежением, как это было в моей, ребенок часто становится козлом отпущения. Чтобы не разбираться в самой проблеме, семья прямо или косвенно обвиняет ребенка во всем. И вместо одного травматического события ребенок в этой роли может испытать непрерывный шквал атак на свое достоинство, чув-

ство принадлежности и даже на саму личность. Эти нападения могут принимать форму газлайтинга (форма психологического насилия, при котором манипулятор отрицает случившееся и заставляет жертву усомниться в своих утверждениях), словесных оскорблений и других форм манипуляции. Однако они могут проявляться и не так очевидно: в виде недовольного выражения лица и саркастических насмешек на протяжении многих лет или десятилетий. Таким образом, целью семьи, сознательной или же нет, становится изгнание ребенка из так называемого стада. Ведь по итогу все мы – животные. Конечно же, повзрослев, он будет чувствовать себя лишним, отрешенным, сломленным, чужаком в собственной семье, в собственном теле и в собственной жизни. А все это привносит свои проблемы во взаимоотношения с партнером, коллегами и руководителями. Его страх отвержения приравняет новых знакомых и коллег к семье, из-за чего порочный круг продолжится.

Теперь, встречая подростков, пытающихся осчастливить родителей, я всегда кривлюсь изнутри. Хочется вызвать 911.

Глава 3

Влюбляясь в приключения

Одним снежным декабрьским утром 1990 года я прибыл в офис «Outside» в центре Чикаго с широкой улыбкой на лице. В прошедшую пятницу я защитился в магистратуре в престижной школе журналистики Медилл при Северо-Западном университете. Я стряхнул снег с ботинок и поздоровался с секретаршей, которая проводила меня в офис с панорамными окнами и видом на урбанистический район Чикаго Голд-Кост. Повесив пальто на крючок, я присел за свой стол и открыл «New York Times». Когда зашел другой стажер, которым оказался бородач по имени Алекс, я представился. Он-то и рассказал мне обо всех особенностях моей новой работы.

– Вообще, мы печатаем. Получаем рукопись по почте и

копируем к себе в систему. Потом делаем распечатки, передаем корректорам.

Алекс дал мне конверт. В нем была распечатанная рукопись. Я приступил к работе. Принялся вбивать текст в компьютер. Усердно и быстро. Еще со старшей школы я был постоянным читателем «Outside» и представлял себе работу в журнале в основном в роли писателя. Сейчас моя работа заключалась в перепечатывании рукописей, и мне хотелось стать лучшим стажером.

Наш главный редактор Бет, видимо, была впечатлена моими навыками, раз спустя три месяца стажировки меня взяли на полный рабочий день. Должность: ассистент редактора. Зарплата: 18 000 долларов с вычетом налога в год, или 500 – в неделю. Моя задача заключалась в проверке фактов в текстах отдела туризма. Я был взволнован. Мечта сбылась.

В девяностых «Outside» стал самым успешным журналом страны. Он ломился от рекламы «Nike», автомобильных компаний и международных брендов вроде «The North Face». А его целевая аудитория состояла в основном из успешной, богатой, обеспеченной части населения. Я тоже хорошо вписывался, так как в коллективе были умные, забавные, амбициозные белокожие ребята от двадцати пяти до тридцати лет. Мы выпустились из престижных школ и выросли предположительно в приличных семьях. Я уважал своих сверстников. Редакторы были куда больше чем просто коллеги. Все друг о друге заботились. Вместе ходили в ба-

ры, а по выходным катались на велосипедах в горах национального парка или шли на игру «Чикаго Кабс» на стадион «Ригли-филд». Мне было лишь двадцать пять, я выпустился всего три месяца назад, а у меня уже была работы мечты.

Оглядываясь назад, я понимаю, что едва знал, кем являлся, даже когда с энтузиазмом вступил в новую должность, принимая новую личность и новую жизнь. Родился и вырос в пригороде Канзас-Сити, был высоким и долговязым, с лохматыми волосами и челкой, которую укладывал набок, как телеведущий. Словно ведущий прогноза погоды, часто улыбался и стремился угодить всем и вся. Я любил свою работу. И всего заслуживал. Усердно работал. Каждый день я приезжал на полчаса раньше с чашкой кофе из «Starbucks», черничным маффином и свежим «New York Times». Я раскладывал газету на столе и, словно король, изучал все новости, завтракая. Закончив с газетой, приступал к журналам, которые присылали в офис: «Surfer», «Backpacker», «Ski and Skiing», «Sports Illustrated», «Climbing», «Rock and Ice». А затем изучал интернет-пространство (что тогда занимало больше времени) в поисках новостей об исследователях и путешественниках, которые рисковали жизнью, пытаясь взойти на самые высокие горные вершины, оседлать самые большие волны, обойти Северный и Южный полюса, исследовать необитаемые джунгли – и так по кругу.

Я любил свою работу, потому что мы освещали вдохновляющие истории людей, пославших куда подальше обычную

работу и отправившихся покорять мир. Что еще нужно двадцатилетней молодежи? Если тема, которую нам хотелось затронуть, не совсем вписывалась в нашу тематику, мы ее подгоняли (самой любимой статьей во все времена «Outside» стала «Король хорьков», в которой рассказывалось об увлечении английского шахтера Рэга Меллора запихивать хорьков в штаны, чтобы понять, вытерпит ли он эти муки). По правде говоря, мир был нашим холстом.

Я любил истории. Любил слова. Мне и моему креативному взгляду на вещи подходила работа редактора и писателя. Я был тем еще авантюристом. Конечно, не настолько, чтобы покорять горные вершины, но в своем небольшом городке я был самым опытным спортсменом.

В детстве я ходил в походы и ездил кататься на лыжах в Колорадо Рокиз. В колледже работал гидом в летнем лагере в Мэне, возил подростков на недельные прогулки по самым высоким вершинам штата Нью-Гэмпшир, включая горы Вашингтон и Катадин. В те дни у меня был мини-автобус «Фольксваген» 1970-х годов. Я не раз объездил Штаты. Изучая философию в Королевском университете в Лондоне, я несколько недель путешествовал автостопом по Англии, Уэльсу и Ирландии. После учебы работал оператором лыжного подъемника (пока не повредил колено и не вернулся в Канзас на лечение). Весь этот опыт очень помог мне во время работы в «Outside».

Я любил не только работу, но и коллег, с которыми прово-

дил большую часть времени. В начале девяностых моя жизнь сводилась к работе в журнале и исследованию Чикаго с Дианой, умной, доброй и очаровательной выпускницей Мичиганского университета, с которой я познакомился в аспирантуре Северо-Западного университета и на которой впоследствии женился.

Нет никаких курсов, чтобы стать хорошим редактором. Мы учились на ходу, старым способом «через кровь, пот и слезы». Должно быть, я подавал надежды, потому что в течение следующего года, в дополнение к проверке фактов, мне поступал постоянный поток новых, более сложных проектов от вышестоящего руководства. Например, мне поручили написать свою первую историю про ловлю нахлыстом в любимом месте моего отца на озере Озаркс в Миссури. Я даже пригласил его с собой. Потом я написал новостную статью о новом средстве защиты от медведей – аэрозоле с кайенским перцем. Вслед за этим я опубликовал репортаж о расследовании коррупции в Лесной службе США. Если представить мою карьеру на тот момент в виде графика, то получатся ракеты, стремящиеся в стратосферу. Как раз осенью 1992 года меня повысили до ассистента, а уже спустя полтора года – до младшего редактора. Вскоре у меня появилось свое место в главном холле – маленький уголок в офисе Марка. Я помогал управлять разделом новостей, контролировал работу и редактировал тексты. Я был на пути к вершине и наслаждался каждой минутой происходящего.

«Outside» тоже не отставал. Он достиг отметки миллиона читателей в месяц. О наших историях и авторах говорили в новостях и на телевидении. Реклама на одну полосу стоила тысячи долларов, а раз рос спрос на рекламу – рос спрос на журнал. Осенние выпуски выходили такие же толстые, как книги. У «Outside» даже появился свой собственный телевизионный канал. Редакторы были молодые и целеустремленные, знающие свое дело. Попивая пиво, мы сравнивали влияние нашего журнала на «Rolling Stone» и «New Yorker» под руководством Тины Браун. Не мне одному казалось, что он идет (летит!) в гору, – все мы так думали. Я переехал в студию на Линкольн-парк, в двух кварталах от Дианы.

Никогда не знаешь, каким ты представляешься другим. Но, если спросить кого-то из коллег, он, скорее всего, скажет, что я был забавным, умным, талантливым оптимистом. Приятный, трудолюбивый житель Среднего Запада со своими причудами. В то время как другие ездили на первоклассных скоростных автомобилях, купленных со скидкой компании, я хвастался своим старым малышом, выкрашенным в золотой цвет и купленным за пять долларов на гаражной распродаже, которого прозвал Золотой Мальчик. Вряд ли кто-то догадывался о моей внутренней боли и о том, что мне нужна помощь. Никто бы не назвал меня депрессивным, злым задирай. Это случится позже. Тогда же я был схож с матерью: любил улыбаться, любил, когда люди были мной довольны. Вспоминая то время, я понимаю, что не знал себя.

Просто играл роль.

В то время меня волновали только строящиеся карьера, жизнь, имя и деньги на счету. Не обращал внимания или не думал о личностном росте. Не подозревал об опасности веры. Как писал Карл Юнг, в возрасте от двадцати до тридцати лет мы поглощены созданием собственной личности:

«Персона – это сложная система отношений между индивидуальным сознанием и обществом... своего рода маска, предназначенная, с одной стороны, для того, чтобы производить определенное впечатление на других, а с другой – скрывать истинную природу личности.

В этом образе нет ничего плохого, это нормальная стадия развития личности и общества».

Однако возникает проблема, когда мы вступаем в средний возраст и все еще отождествляем себя с этой персоной – то есть когда мы сами начинаем верить, что эта маска является нашей личностью. В конце концов созданная маска должна спастись, если мы хотим оставаться на связи со своим истинным «я». Этот процесс избавления от нашего ложного «я» может быть болезненным, беспорядочным, но он необходим. В стране, где материализм и отрицание старения и смерти так распространены, человек будет сопротивляться этой трансформации на свой страх и риск. Вместо реальных перемен мужчина попросту покрасит седые волосы, купит

новый красный спорткар и посадит рядом молоденькую девушку. А спустя десять лет так и останется ребенком, одержимым карьерой, материальными благами и властью.

Я пытался выбрать иной путь. Слушал Юнга, когда тот писал, что в среднем возрасте на все жизненные проблемы есть духовные ответы. Какой результат? Читайте дальше.

Глава 4

Незнакомец

Как-то раз, в 1992 году, какой-то бородатый мужчина в розовой оксфордской рубашке и в джинсах пронесся мимо и скрылся в кабинете Марка. Через час я услышал их разговор в холле. Другие редакторы тоже присоединились к диалогу. Я отложил письма с отказами и прислушался. Незнакомец рассказывал о недавнем сложном подъеме в горах Патагонии. «Стоп. Это тот, о ком я думаю?» Я уже не мог терпеть. Встал, подошел к двери, невзначай облокотившись о раму, словно ничего не происходит.

Незнакомец продолжал вдаваться в детали. Не помню точно, что он говорил. Голова отключилась, и меня унесло.

Я услышал восторженные вздохи коллег и вернулся к реальности.

– Выйдет отличная история, Джон, – заявил один из редакторов.

Донован – наша восходящая литературная звезда. Он был выпускающим редактором из Чикаго и уже писал истории для «New Yorker». Умный, отзывчивый и добрый, писал исключительно на самые важные и волнующие темы. У него были свои хитрости в написании идеального текста, которыми он делился с младшими редакторами. «Сначала нужно соорудить ящик и только потом его ломать», – всегда любил говорить он о проблеме истории. Донован был архетипом тревел-писателя: длинные волосы, очки Джона Леннона, высокий, красивый. Храбрый. Я знал его всего с девяти до пяти часов рабочего дня, но, казалось, он держал удачу за хвост.

Спустя какое-то время мне надоело быть вне игры, поэтому я двинулся к ним.

– Бак! Это Джон. Джон, это Бак. Ну, мы его так зовем. А так его зовут Брэд. – Марк положил руку мне на плечо.

В детстве брат называл меня Баки, потому что у меня торчали два зуба спереди. Конечно, брекетные все поправили, но в какой-то момент друзья подхватили и сократили прозвище до «Бака». Бак. Лучше так, чем Баки. Оно больше подходило... взрослому. Баком звали пса из «Зова предков» Джека Лондона. Для меня это прозвище олицетворяло силу и храбрость. Я никого не просил называть меня Баки, но был не против. Пока меня было не назвать героическим, сильным или храбрым, но мне казалось, я заслужу такое прозвище, когда стану лучшим тревел-писателем.

Я крепко пожал руку незнакомцу и посмотрел на его мускулистые руки, видневшиеся из-под закатанных рукавов. Говорил с ним, будто сверял факты. Я прочел все его художественные рассказы об альпинизме и путешествиях по всему миру. Мы были разными. Кракауэр – собранный, напряженный, организованный, напористый. Я – покладистый, творческий, по-своему энергичный, но всегда подстраивающийся под всех. Он не выглядел так, словно нуждался в ком-то или хотел кому-то угодить. Это произвело на меня большое впечатление, и я спрятал свою осмотрительность куда подальше.

Стоял и слушал разговор старших редакторов. Впитывал каждое слово. Когда-нибудь я вернусь в офис «Outside», и все будут обхаживать меня. Сегодня же я наблюдатель. Я был поглощен собственным стремлением и жадой славы. Позже мне пришлось встретиться лицом к лицу со своими представлениями о том, кем я был, и попытаться от них исцелиться. Но в то время я хотел стать писателем. Хотел жизни, полной приключений, и, возможно, славы и богатства. Но все же я понятия не имел о том, кем был на самом деле.

Мы рано вышли с работы, и все редакторы отправились пропустить по стаканчику в темный бар с полосатой обивкой и прокуренным воздухом. Все мы рассказывали истории. Они были нашей валютой.

История, которую я рассказал всем в тот вечер и которую до сих пор рассказываю при удобном случае, была о моем

путешествии автостопом с гитарой по Ирландии с женщиной по имени Ройзен, с которой я познакомился на автобусной остановке. Мы пили в пабе, где я зажигательно пел «Me and Bobby McGee» в унисон с Дженис Джоплин. Посетители подхватили знаменитый припев, где пелось, что свобода – еще одно слово, обозначающее, что терять больше нечего. Поездка превратилась в напряженный двухдневный безответный роман, который открыл мне глаза и научил многому о женщинах, приключениях и эскапизме. Свидание окончилось, когда мы договорились о поездке с дальнбойщиком. Ройзен забралась в грузовик, но, прежде чем я успел залезть, водитель тронулся с места, оставив меня на обочине с гитарой. А я махал на прощание женщине, которую думал, что любил. Этот эпизод научил меня смотреть на мир и свою жизнь как на большую тревел-историю.

Теперь уже я вижу всю комичность этой ситуации и других историй, из-за этого они мне и нравятся. Как писала Джоан Дидион: «Мы рассказываем истории, чтобы жить». Предлагаю такое дополнение к ее словам: мы рассказываем истории, чтобы наша жизнь обретала смысл. И все истории о нас самих в итоге перестают работать. Мы их перерастаем. А иногда, когда старая история нас подводит, когда мы больше не видим себя в ней, мы можем обнаружить, что заблудились и нуждаемся в новой. Если мы не сумеем быстро что-то придумать, то можем оказаться брошенными на произвол судьбы и не узнавать самих себя. Да поможет нам Бог, если

такое произойдет, потому

что без эффективной истории в качестве руководства действий мы все равно что мертвецы. Мне ли не знать. Бывает очень сложно написать историю, но иногда другого выхода просто нет. Порой наша жизнь зависит от этого.

* * *

В октябре 1993 года я наконец решил, чем хочу заниматься дальше. Свежим субботним утром мы с Ди сидели в кафе, читали «New York Times» и пили кофе, когда я объявил о своих смелых намерениях.

– Думаю, поработаю редактором, пока не стану выпускающим. Потом хочу заняться писательством. Стану автором приключенческого жанра.

Ди, которая сама была выдающимся редактором и писателем, взглянула на меня из-под чашки кофе и кивнула. Я чувствовал ее веру в меня. И ее вера укрепила что-то внутри. Веру в самого себя.

После того судьбоносного разговора я еще больше напрягся на работе. Я знал, что обладаю незаурядным талантом, во мне есть все, чтобы стать успешным тревел-писателем. Мне просто нужно было еще несколько лет подзарядки, которую я получил на должности редактора. Я уже написал несколько художественных рассказов и разрабатывал свой собствен-

ный писательский почерк и даже теорию о том, как выглядела бы моя версия тревел-истории. Мне нравилось болтать с совершенно незнакомыми людьми. Они очаровывали меня, а у меня был талант располагать их к себе. И еще живое воображение: я мог превратить любого человека в забавного персонажа. Вдобавок была основополагающая теория о том, что все истории по своей сути являются историями любви. Мы все хотим чувствовать себя особенными, важными и любимыми – физически, эмоционально и духовно. И хотя я не боялся ответить недовольным, я придумал, как рассказать историю, описывающую что-то очень странное, чудесное и необычное. Я был самым обычным человеком, неуклюже пробиравшимся по дикой среде и заводившим при этом друзей. Мог забыть дождевик и написать про пластиковый пакет, который носил, чтобы не промокнуть. Я был глупым. Веселым. Дружелюбным.

Вечером того же дня, засыпая в кровати с Ди, я думал о прошлом и будущем. Вспоминал, как познакомился с Джоном и с другими авторами во время празднования пятнадцатой годовщины журнала на теплоходе. В те выходные я попытался вовлечь их в разговор о покупках. Вспомнил еще других признанных тревел-писателей, с которыми общался в течение трех лет работы в «Outside». Чувствовал родство с ними. Многие из них казались образцами суровых сильных мужчин. Когда я увидел их фотографии в журнале, некоторые показались мне щеголеватыми и подтянутыми. Другие

– дикими, даже неуравновешенными, с длинными волосами, спутанной бородой и горящим взглядом, который, казалось, свидетельствовал о захватывающей жизни. Таким я хотел быть или, как я думал, уже был, скрываясь за своей привычной личиной угодника. Мне было интересно, были ли и у них сложные отношения с отцами. Мы будто были братьями.

Нормально ли, что я не был настолько жестким и собранным, как они? Смогу ли добиться успеха в качестве тревел-писателя, используя смирение, самоуничтожение и обязательную улыбку? Я знал, что не стану следующим альпинистом. Но буду одним-единственным и неповторимым Брэдом Ветцлером.

Зимой 1993–1994 годов я составил вышеупомянутую презентацию и поделился ею на собрании персонала. Про Эверест говорили часто. Ну конечно. Мы отправляли писателей в экзотические, отдаленные места и публиковали рассказы об их путешествиях – в этом заключалась наша работа. Итак, мой рассказ возник не из воздуха. Эверест был частью духа времени нашего офиса. И все же это всегда казалось запретной, слишком экстравагантной темой. Экстравагантной – но в то же время безвкусной. Разумеется, это была самая высокая гора в мире, но, по большому счету, взойти на нее было не самым трудным делом. Мы не могли себе представить, как восхождение нашего писателя на Эверест добавит что-то новое в мир журналистики.

Но меня он все равно привлекал. В течение последних

двух лет в качестве своей должности руководителя отдела приключений я внимательно следил за ситуацией на Эвересте. Разговаривал с различными источниками, которые сообщили мне, что лагерь на Джомолунгме превратился в дерьмовое шоу. Я редактировал короткие статьи о растущем числе альпинистов, которые за день поднимались на вершину. Я – человек с глубокой интуицией. В своей презентации предложил отправить писателя в южный базовый лагерь со стороны Непала. Упомянул Кракауэра и журналиста – любителя приключений Грега Чайлда. Он уже был на тот момент признанным гималайским альпинистом и показался мне логичным выбором для этой поистине экстравагантной истории. Коллеги с энтузиазмом приняли эту идею. Да и время было подходящее. А потом редакторы занялись другими делами, включая переезд в новый офис в Санта-Фе.

Что касается меня, я никогда не забывал об этой экспедиции и планировал обсудить ее с Марком сразу же, как мы сменим рабочую обстановку.

Глава 5

Божественный план

Какие-то события в жизни пролетают молниеносно, какие-то медленнее. Теперь я понимаю, что в наших руках не так-то много власти, как казалось бы. Вселенная развивается в своем темпе, а свобода воли, если она есть, работает в соответствии с ритмом Вселенной. Я понимаю, почему люди говорят о божественном плане. Некоторые события требуют, чтобы человек и космос выстраивались воедино. В случае с этой горной историей Вселенная, как оказалось, жила по своему собственному плану, а я просто следовал ему. Пока мы с Ди строили новую жизнь у подножия гор Сангре-де-Кристо, я ловил себя на том, что чаще начал думать об Эвересте. Мне следовало больше работать над основными заданиями, если я вообще хотел стать выпускающим редактором.

Той осенью я поехал в Лос-Анджелес с первым заданием. «Outside» обычно не освещает тему рыболовства, только если не произошло что-то невероятное. Главный редактор Алекс Хёрд показал мне видео, в котором рыбаки ловят невероятных размеров большеротых окуней в Калифорнийском водохранилище. Сделав пару звонков, я отыскал участников видео. Ахаб, молодой парень из Алабамы, переехал со своей женой в Калифорнию, чтобы поймать ту самую рыбу рекордных размеров. Я не особо разбирался в теме, на которую мне предстояло писать. Но у меня был антагонист истории – крутой бывший коп. Я прилетел в Лос-Анджелес и провел четыре дня на рыбалке, а затем написал статью с дерзким названием «Большеротые окуни и их любители». Она стала довольно популярной. Видимо, у меня действительно был писательский талант.

Для новичка я был слишком уверен в своих способностях. Я сдал две статьи и уже заработал некую репутацию за свой уникальный подход к написанию тревел-историй. Я не взбирался на большие вершины и не плавал в открытом океане. Мне и не нужно было. Мой подход заключался в том, что я почти не строил никаких планов. Я приезжал в незнакомое место, был окружен незнакомыми людьми и наблюдал за происходящим. За несколько лет я наработал навыки путешествий в одиночку и выживания в отдаленных местах.

После истории о большеротом окуне я побывал на Апалачской тропе и рассказал об изнурительном, веселом и,

казалось бы, меняющем привычное мировоззрение образе жизни настоящего пешего туриста. Другая история, о трех неделях, которые я провел в лесу, распивая пиво с чешскими бродягами, могла бы быть выбрана литературным критиком Полом Теру как одна из лучших приключенческих историй 2001 года.

В мае 1994 года штаб-квартира «Outside» переехала в город Санта-Фе в штате Нью-Мексико. Ларри Берк, владелец и издатель журнала, купил конное ранчо за городом, где начал строить красивый и стильный офис для журнала в «Санта-Фе Рельярд». Я один раз бывал там во время короткого отпуска: городок в высокогорной пустыне показался мне запоминающимся, вычурным и очень классным. Когда мы с Ди поселились в круглом двухэтажном гостевом доме на ранчо в двадцати пяти минутах к югу от города и привыкали к новому, более активному образу жизни у подножия гор Сангре-де-Кристо, я все так же думал об истории базового лагеря Эвереста. Мне нравился обширный, усеянный сосновыми пятнами ландшафт и постоянно чистое большое голубое небо. Мы поменяли хот-доги и бейсбол на лыжи и горные велосипеды и были счастливы, что больше никогда не проведем зиму в Городе Ветров.

В течение следующих десяти месяцев Марк и Джон время от времени обсуждали возможность написания истории об Эвересте, и Марк уже тогда начал обсуждать финансовые вопросы с Ларри Берком. Тем временем я изучал коммерче-

ские экспедиции как на севере Тибета, так и на юге Непала и записывал результаты своих исследований. Одним ветреным серым утром в марте 1995 года я зашел в офис Марка и начал рассказывать ему о подробностях этой истории. Обычно он с головой погружался в рукопись. Первый же бегло брошенный взгляд выдавал раздражение, которое появляется на лице у всех редакторов, когда их отрывают от статьи вопросы новичков. Но затем он улыбнулся. «Давай сделаем это. Позвони Джону и узнай, заинтересовался ли он». Я поспешил обратно в свой офис.

Вот как Кракауэр рассказывает эту историю в книге «В разреженном воздухе»:

«В марте 1995 года мне позвонил редактор журнала “Outside” и предложил присоединиться к экспедиции на Эверест, отправление которой запланировано через пять дней, и написать статью о растущей коммерциализации горы и о связанных с этим противоречиях.

В намерения журнала не входило, чтобы я поднялся на вершину. Редакторы просто хотели, чтобы я остановился в базовом лагере и рассказал историю с ледника Восточный Ронгбук, у подножия тибетской стороны горы».

Мы поговорили всего несколько минут.

– Ты можешь написать историю и никогда больше не ступать в «Зону смерти». Что думаешь?

Кракауэру, кажется, понравилась эта идея, и, прежде чем

мы закончили разговор, он сказал, что учтет мою заинтересованность.

Мне было двадцать девять, и из-за походов и занятий спортом я был более подтянут, чем в те холодные чикагские зимы, но я никогда не был заядлым спортсменом. В этой сфере я был дилетантом и интересовался другими вещами, помимо спорта и фитнеса: музыкой, литературой, йогой, даже общался с художниками и учеными в многочисленных кафе Санта-Фе.

Под песню «Nevermind» группы «Nirvana» я ехал домой в маленький саманный дом, который мы с моей новоиспеченной женой Ди купили за 140 000 долларов. Я был в приподнятом настроении.

Когда я вышел из машины у дома, меня сбили с ног Ку-ба и Космо, наши два неугомонных щенка. Мы с Ди обнялись и направились на прогулку в предгорья. Собаки гоняли кроликов, а я рассказывал Ди последние новости. Она, талантливый книжный редактор, работала в небольшом издательстве, расположенном по ту сторону железнодорожных путей, недалеко от моего офиса. Она была в восторге от моих новостей и рассказывала мне о своем новом проекте по редактированию книги знатока путешествий Рика Стивса. Мы запланировали поездку на выходные в Уайт-Сэндс и Карлсбадские пещеры. Мы были молоды, счастливы и влюблены. Строили совместную жизнь, и это было чудесно. Жизнь была прекрасна.

Кракауэр действительно обдумал идею истории и даже зашел так далеко, что забронировал билет на самолет и сделал необходимые прививки.

Я не уверен, сколько прошло времени, но однажды днем Марк зашел в мой офис и сказал мне, что Кракауэр отказался от истории с базовым лагерем, но рассматривает возможность отправиться на Эверест следующей весной – он хотел подняться на вершину с южной стороны. Это классический маршрут. Эдмунд Хиллари поднимался по нему еще в 1953 году. Теперь-то я в восторге. Это была не та история, о которой я говорил в далеком 1994 году. Это было куда авантюрнее. Какой бы захватывающей ни казалась перспектива присутствия на Эвересте писателя из «Outside», я мог с уверенностью сказать, что Марку было бы не по себе из-за возросшего уровня опасности. Он боялся потерять своего друга. И часто напоминал нам об этом. Наступила зима, и усеянные соснами предгорья сверкали под чистым голубым небом. Мы с Ди достали из шкафа беговые лыжи и с собаками на буксире заскользили по горным тропам.

Марк дал мне задание обзвонить различные коммерческие туркомпании и попытаться пристроить Джона в одну из них. В январе 1996 года, по согласованию с Марком, я добился утверждения Кракауэра в компанию «Mountain Madness» из Сиэтла, управляемую опытным альпинистом Скоттом Фишером, в обмен на гонорар и рекламу в «Outside». А затем, в конце февраля, Роб Холл из новозеландской компа-

нии «Adventure Consultants» позвонил мне с более выгодным предложением. Марк перезвонил ему и все рассказал. Начался обратный отсчет до восхождения на Эверест весной 1996 года. Я позвонил Кракауэру, чтобы пожелать ему удачи, и попросил его беречь себя.

В этот период я чувствовал себя дико оживленным. Мне было тридцать, и я был помощником редактора. Эти первые переговоры с Кракауэром и Марком о новом задании заставили меня почувствовать себя частью чего-то большого и интригующего. И это действительно было захватывающе и весело. Но, по правде говоря, я особо ничего не делал, за исключением телефонных звонков. Кракауэр был единственным, кто ставил на кон очень много – свою жизнь. И я знал, что следить за написанием этой смелой статьи будет Марк.

Сейчас я понимаю, что тогда увлекся. Опять всплыли слова «эго» и «величие». Я был уверен, что, как только история об Эвересте появится в газетных киосках, меня повысят до старшего редактора. Как только я получу это звание, смогу уйти из журнала и заявить о себе как о тревел-писателе. Я планировал заключить контракт на написание трех-четырёх тематических рассказов в год, а затем заполнить оставшееся время статьями для «GQ», «Wired», «National Geographic Adventure», «Men's Journal» и, если повезет, «New York Times».

Я чувствовал, что готов покорить весь мир, что я абсолютно независим. Теперь я понимаю, что был преисполнен

высокомерия.

Глава 6

Идеальный шторм

Апрель шел своим чередом. Мы перестали получать какие-либо вести от Джона, когда он начал поход в базовый лагерь. Из-за ограниченной связи за прогнозом погоды в Гималаях мы следили по интернету, а Марк получал свежие новости от своей жены Линды Мур, которая раз в неделю созванивалась с ним по спутниковому телефону. Вскоре Линда сообщила, что десятого мая Кракауэр со своей командой попробуют достичь вершины.

Во время их восхождения я, конечно, испытывал волнение и страх. Нет, я был в ужасе. От чего? Одной из моих задач как редактора, курировавшего рубрику туризма в «Outside», было написание некрологов о спортсменах-экстремалах, которые своими достижениями выходили за пределы реальности. Придется ли мне писать некролог об од-

ном из авторов «Outside», которого издательство отправило покорять Эверест? Испугался ли я тогда? Черт возьми, да. Мы все испугались. Разгуливали по коридорам и пили кофе, болтали с друзьями по телефону, совершали бессмысленные походы в соседний книжный магазин «Borders» и листали журналы – в общем, делали все возможное, чтобы отвлечься. А когда все способы себя развлечь заканчивались, мы сходили с ума от волнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.